

ББК 63.3 (5Кит) 6

V. A. Barmin

**Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта»
(о роли советского фактора в судьбе руководителя
повстанческого движения коренных народов
Синьцзяна 1931–1934 гг. Ма Чжунъина)***

V. A. Barmin

**Unsolved Secrets of Dungan «Bonaparte»
(about a Role of Soviet Factor in Destiny of Ma Zhongying,
the Head of Insurgent Movement of Sinkiang Native Peoples
in 1931–1934)**

Статья посвящена малоизученной в отечественной и зарубежной историографии проблеме влияния советского руководства на деятельность одного из наиболее известных руководителей повстанческого движения коренных народов Синьцзяна против китайских властей в первой половине 30-х гг. XX в., дунганского генерала Ма Чжунъина. Автор доказывает, что после интернирования Ма Чжунъин на советской территории не был репрессирован. Более того, при его посредничестве оказывалось заметное влияние на внутриполитическую ситуацию в Синьцзяне.

Ключевые слова: дунганский генерал Ма Чжунъин, национально-освободительное восстание, коренные народы, военная помощь Советского Союза, уйгуры, вмешательство.

В 1931 г. коренное население крупнейшей китайской провинции Синьцзян, доведённое до отчаяния притеснениями китайской администрации, развернуло мощное национально-освободительное восстание. Непосредственными причинами нового движения явились: рост налогообложения за счет увеличения старых и введения новых податей, резкое ухудшение положения большинства крестьянства в связи с падением цен на продукты сельского хозяйства и одновременным повышением их на импортные товары, политика китайской колонизации и ассимиляции коренного населения района Хами путем переселения в Синьцзян демобилизованных солдат из армий китайских милитаристов и раздача им лучших земель, принадлежащих ранее коренным жителям, а также глумление китайских чиновников над религиозными чувствами уйгур, пренебрежение национальными обычаями и традициями мусульманского населения [1, с. 98].

Безземелье и малоземелье вынуждали дехкан брать землю в аренду, при этом «арендная плата ино-

The article is devoted to the problem which is poorly studied in domestic and foreign historiography. It is the problem of influence of the Soviet authorities on the activity of a Dungan General Ma Zhongying who was one of the most known leaders of insurgent movement of Sinkiang native peoples against Chinese authorities in the first half of 1930s. The author proved the fact that after Ma Zhongying's interning on the Soviet territory he wasn't subjected to repression. Moreover, he had great influence on internal political situation in Sinkiang.

Key words: Dungan General Ma Zhongying, national liberation revolt, native peoples, military help of the Soviet Union, Uigurs, intervention.

гда достигала 83% урожая». Существовавшая же плата за труд была столь ничтожна, что не позволяла на заработанные средства удовлетворять даже самые минимальные, примитивные бытовые потребности. Сельскохозяйственные рабочие за 14–16-часовой рабочий день получали 1 бумажный лан (25–26 копеек серебром — мужчины, 5–6 цзянь, т. е. 13–16 копеек серебром — женщины). Чрезвычайно тяжелое положение коренного населения провинции «вело к сохранению рабства и даже росту работоторговли» [2, с. 19].

Восстание началось в апреле 1931 г. стихийным выступлением крестьян в Хамийском уезде. После отказа администрации уезда удовлетворить их требование по снижению непосильных налогов крестьяне разгромили уездное управление и убили уездного начальника. В национальном отношении, особенно на первом этапе, большую часть повстанцев составляли уйгуры, но в дальнейшем к ним примкнули дунгане, казахи, монголы, киргизы, узбеки и другие народности, населявшие Синьцзян. Возглавили восстание

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 12-31-09012 «Центральноазиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность».

князя и представители байской верхушки, которые в результате проводимой в этот период китайцами административной реформы лишились значительной части своих привилегий. Довольно активно проявляло себя купечество, которое видело в китайцах основных конкурентов. При этом и те, и другие исповедовали идеи панисламизма, пантюркизма и выдвигали лозунг создания независимой исламской республики. В то же время непосредственное командование отрядами повстанцев чаще всего осуществляли выходцы из народных низов. Так, например, мусульманскими отрядами Хами командовал Ходжа Нияз, который до начала восстания состоял на службе у одного хамийского князя, повстанцами в районе города Аксу — Тимур, в прошлом бедняк-арбакши (возчик воды), и Низаметдин — выходец из крестьян-бедняков [3, л. 47].

В первые недели движения повстанцам удалось добиться некоторых успехов, однако они оказались кратковременными, и уже к лету 1931 г. правительственные войска, несравненно лучше вооруженные и организованные, стали наносить отрядам Ходжи Нияза ощутимые удары, оттеснив их, в конце концов, в горы Бадаши. Достаточно быстро осознав, что без серьезной помощи извне восстание обречено на поражение, его руководители решили искать поддержки у единоверцев в провинции Ганьсу. Здесь, как и в Синьцзяне, значительная часть населения, представленная дунганами, исповедовала ислам и в силу этого, а также ряда социально-экономических причин антиханьские настроения были весьма значительны. Результатом этих настроений явилось мощное восстание мусульманского населения провинции 1928–1929 гг., вызванное резким усилением экономического гнета со стороны властей в связи с дислокацией в этом районе армии гоминьдановского милитариста Фэн Юйсяна. Обеспечение «народной армии» Фэна всем необходимым, насильственная мобилизация в нее мужчин-мусульман и ещё целый ряд причин политического, экономического и психологического порядка явились запалом к давно зреющему взрыву религиозно-общинной войны, вспыхнувшей в марте 1928 г. [4, с. 4].

Одним из наиболее видных руководителей повстанческого движения стал молодой офицер, дунганин по национальности — Ма Чжуньин, объединивший под своим командованием значительные силы, состоявшие в основном из отрядов дунган. После двухлетней борьбы, которая постепенно трансформировалась в борьбу милитаристских кланов, возглавляемых мусульманами с армией Фэн Юйсяна, Ма Чжуньин стал весьма заметной фигурой на Северо-Западе Китая. В неполных 24 года он получил звание генерала и командовал дивизией. К 1929 г. восстание дунган в Ганьсу в результате встречных действий китайских властей и лидеров мусульманского населения сошло на нет, и Ма Чжуньин оказался, в извест-

ном смысле, не у дел. Будучи человеком энергичным и деятельным, он начал вынашивать планы по установлению своего контроля над Синьцзяном. Однако Чан Кайши, которого Ма Чжуньин попросил о передаче губернаторской должности в Синьцзяне в качестве благодарности за борьбу с Фэн Юйсяном, ответил ему, что утвердит его назначение только тогда, когда он самостоятельно обретет контроль над провинцией [5, с. 130].

Заручившись моральной поддержкой своего плана со стороны Чан Кайши, Ма Чжуньин начал готовиться к походу в Синьцзян для осуществления задуманного плана. Именно в это время в его ставку прибыли Ходжа Нияз и ещё один руководитель повстанческого движения Юлбарс-хан. Рассказав Ма Чжуньину о развитии событий в Синьцзяне, делегаты повстанцев попросили молодого генерала оказать им поддержку в «священной войне с неверными». Просьба уйгурских вождей оказалась для Ма Чжуньина как нельзя кстати, ибо давала ему возможность при реализации своих собственных планов опереться на местное население, уже начавшее борьбу с провинциальным правительством, которое он собирался свергнуть. Пытаясь не упустить благоприятной ситуации, Ма Чжуньин уже в начале июня 1931 г. прибыл в Синьцзян с бригадой численностью до 700 чел. Оказавшись в Синьцзяне, Ма Чжуньин стал фактическим вождём всего повстанческого движения, ибо в таком качестве он был признан основной движущей силой восставших — уйгурами [6, с. 115]. В ходе активных боевых действий отряды восставших под предводительством Ма Чжуньина взяли Чжэнси (Баркуль) и осадили Хами. Однако Хами повстанцам взять не удалось, и Ма Чжуньин, по одним данным, из-за ранения, по другим — с целью организации новых отрядов, покинул район боевых действий и вернулся в Ганьсу. После этого действия повстанцев потеряли свою динамику. Несмотря на то, что весь 1932 г. между правительственными войсками и отрядами восставших шли столкновения, ни одна, ни другая сторона не могла переломить ситуацию. В конце концов губернатор Синьцзяна Цзинь Шужень перебросил в район Хами значительные силы, сначала захватившие приступом Турфан, при обороне которого погиб один из вождей повстанцев Максуд-ахун Мухитов, а затем снявшие осаду с китайской части Хами, продолжавшуюся более года.

В результате активных действий правительственных сил, а также возникших в лагере повстанцев противоречий, которые значительно ослабляли движение в целом, чаша весов стала клониться в сторону урумчинских властей. Ситуацию изменило прибытие на помощь восставшим новых подразделений из Ганьсу и, в частности, посланного Ма Чжуньинем полка «Цзаолу» под командованием Ма Шимина. Ему удалось не только активизировать действия вос-

ставших, но и зимой 1932–1933 г. осадить столицу Синьцзяна Урумчи. В этот период, по неполным данным, только в восточных районах Синьцзяна отряды повстанцев насчитывали более 30 тыс. чел. [7, с. 19].

Успехи восстания привели к тому, что в кругах провинциальной колониальной администрации обострилась междоусобная борьба за власть, которая велась постоянно, но в скрытой форме. Губернатору провинции Цзинь Шуженю отказался подчиняться командующий кульджинским военным округом Чжан Пэйюань, а следом за ним о своем неповиновении Урумчи заявил губернатор Кашгара — дунганин Ма Шаоу, который к тому же отравил брата Цзинь Шуженя, командовавшего кашгарским военным округом. Отряды восставших заняли плодородные районы: Хами, Баркуль, Гучен, Цитай, Сантай, Даванчэн, часть Турфана и ряд населенных пунктов на подступах к Урумчи. Попытки Цзинь Шуженя договориться с Ма Чжунъином, предпринятые в 1932 г., результатов не дали. Все более разгоравшееся пламя восстания заставило правительство провинции в конце 1932 — начале 1933 г. мобилизовать на борьбу с ним все имеющиеся силы и даже привлечь на службу бывших белогвардейцев, «натурализовавшихся русских». Из них на первых порах были созданы подразделения численностью в 2 тыс. чел. под командованием полковника Паппенгута [7, с. 23]. Эти, а также некоторые другие меры помогли провинциальным властям добиться определенной стабилизации обстановки, однако серьезного перелома в развернувшейся войне китайцам осуществить не удалось. Ма Чжунъину, который к лету 1933 г. вернулся в Синьцзян, удалось не только привести новое значительное пополнение из провинции Ганьсу, но и привлечь в свои ряды почти все мужское население дунган, проживавших в Синьцзяне. По существу, к исходу первой половины 1933 г. в восстании участвовали в той или иной мере представители большинства проживавших в Синьцзяне народов, причем религиозные мотивы в данном случае отступали на второй план. Так, например, помимо карашарских монголов, в рядах повстанцев сражались «...около двух тысяч монголов из округов Или, Тарбагатай, Бортала, Карасайра, и Ховак-сайра... Только при осаде города Цонжа было убито 600–700 монголов». Но хорошо известно, что монголы-торгауты являются буддистами [8, с. 61]. Повстанцы контролировали около 80% территории Синьцзяна. Однако к моменту najwyżшего подъема восстания в нем стали развиваться процессы, которые не только радикально меняли суть и так не слишком внятно озвученных конечных целей, но и порождали условия для нового витка вооруженной борьбы, теперь уже между соперничающими силами внутри самого движения.

Степень и уровень взаимоотношений, которые существовали между Советским Союзом и Синьцзяном в конце 20-х — начале 30-х гг., исключали отсутствие

внимания со стороны советского руководства в отношении хоть сколько-нибудь значимых событий, происходящих на территории провинции, тем более к таким крупным, как вспыхнувшее в 1931 г. восстание мусульманских народов. Отсюда вполне понятно, что само восстание не было полной неожиданностью для советских руководителей. Многочисленные аналитические записки, направляемые различными службами СССР в Синьцзяне в адрес НКВД и других заинтересованных ведомств, позволяют сделать вывод, что правительство советского государства было сравнительно хорошо информировано о надвигающихся событиях. Вместе с тем характер назревающего восстания, последствия его успеха или поражения, силы, стоящие за организаторами движения, в том числе и прежде всего зарубежные, требовали от Москвы глубокого анализа и очень взвешенных решений при определении своего отношения к указанным событиям. Следует также учитывать, что Советский Союз, заинтересованный в политической стабильности на своей центральноазиатской границе, должен был заботиться о сохранении своего имиджа лидера мирового революционного движения, частью которого было объявлено и движение национально-освободительное. Надо отметить, что к периоду рассматриваемых событий советские руководители уже сталкивались с необходимостью анализа и просчитывания своего вмешательства в той или иной форме во внутривосточные дела Синьцзяна. Это в известной мере касалось проблем, связанных с вводом частей Красной Армии на территорию Синьцзяна в 1921 г. Кроме того, в январе 1930 г., незадолго до восстания, к советским дипломатам в Синьцзяне обратился губернатор Кашгара — Ма Шаоу с просьбой оказать ему помощь в предполагаемом военном перевороте с целью создания на территории Кашгарии новой провинции. За помощь оружием и войсками Ма обещал создать в новой провинции условия преобладающего советского влияния. Он прямо заявил работникам консульства в Кашгаре: «...тогда вы получите здесь, то, что имеют японцы в Маньчжурии» [3, л. 1–2]. Советские дипломаты, проанализировав ситуацию, отказались даже от обсуждения этого вопроса. Поэтому нет ничего удивительного в том, что обстоятельства, связанные с восстанием, были восприняты в Советском Союзе с очень большой настороженностью. Эти события не могли вызвать и не вызвали со стороны советского правительства спонтанных и непродуманных действий. Рациональное мышление, которое, безусловно, возобладавало к этому моменту у большинства ключевых фигур в советском руководстве, вошло в противоречие с продолжавшейся доктриной «экспорта революции» на почву «революционной ситуации». Активная деятельность агентов Коминтерна, направленная как раз на создание «революционной ситуации» в Синьцзяне, в данном слу-

чае не соответствовала государственным интересам огромной советской страны.

Вместе с тем отказ от вмешательства во внутренние дела Синьцзяна в условиях разворачивающегося восстания не означал перехода советской дипломатии в этом регионе на позиции пассивного наблюдения. Это было невозможно хотя бы потому, что с первых дней восстания начались попытки многочисленных зарубежных сил использовать его в своих целях. Материальную, военно-техническую и инструкторскую помощь восставшим осуществляли англичане и японцы. Свое влияние на развитие событий пытались оказывать Турция и ряд арабских стран. Это было настолько очевидным, что западная пресса того времени писала об этом как о явлении само собой разумеющемся. Так, американский еженедельник «Нью Рипаблик» в 1934 г. в статье, посвященной положению в Синьцзяне, отмечал: «Считают установленным, что японцы посылают деньги и оружие мусульманским северным племенам. Что же касается южных мусульман, то на основании веских данных выдвинуто обвинение, что южные повстанцы вооружены британскими винтовками и получают непосредственные директивы от английских агентов в Кашгаре» [10, л. 31–38]. Французская газета «Эр Нувель» в статье, опубликованной 8 апреля 1934 г., также делала вывод, что инсценировка «пантюркистского движения» в Синьцзяне — результат деятельности «британских и японских агентов» [1, л. 15]. Английская «Дейли Геральд», в общем признавая возросшую активность Англии и Японии в Синьцзяне, указывала, что эта активность очень беспокоит СССР. Расхожими терминами в западной печати были «японофильская северная группировка восставших» и «англофильская южная группировка». Кроме того, газеты указывали, что войска дунганского генерала Ма Чжунъина, которые принимали активное участие в боях на стороне восставших, также прошли подготовку под руководством японских инструкторов. Редактор «Чайна Пресс» Холингтон Тонг в статье о восстании синьцзянских мусульман отмечал, что «...после того, как войска Ма Чжунъина прошли под руководством японских инструкторов надлежащую подготовку, Ма начал наступление на Урумчи, ставя себе целью захват всего Синьцзяна» [11, л. 93]. Высказывались, разумеется, обвинения и в адрес Советского Союза, тем более, что деятельность Коминтерна в деле организации революционных движений была общеизвестна. Так, консул Великобритании в Синьцзяне М. Томпсон в своем отчете за 1931 г. на имя министра иностранных дел Д. Саймона сообщал, что восстание мусульман «спровоцировано Советским Союзом» [12, р. 398]. Но в случае с синьцзянскими событиями эти обвинения были настолько несостоятельны, что не получили широкого распространения. Люди, сколько-нибудь серьезно занимавшиеся анализом рассматриваемых событий,

не могли не понимать, что восстание синьцзянских мусульман шло вразрез с интересами советского государства в этой провинции.

Между тем активное вмешательство в синьцзянские события зарубежных сил и все более четко обозначившийся антисоветизм предводителей восстания под влиянием этих сил заставляли советскую сторону не только внимательно отслеживать события, но и прорабатывать мероприятия, которые могли бы защитить в этих обстоятельствах интересы СССР в провинции. Естественно, что одной из мер, которая могла бы помочь удержать ситуацию под контролем, являлась поддержка провинциального правительства. Поддержка была необходима хотя бы потому, что собственные военные возможности китайцев в Синьцзяне не давали оснований надеяться на их победу в борьбе с повстанцами. В справке, подготовленной для правительства начальником IV Управления штаба РККА (разведуправление) Я. К. Берзиным, отмечалось, что «китайские части численностью до 25 тысяч человек представляют собой необученную и недисциплинированную массу. Большой ее части до последнего времени не приходилось стрелять из оружия даже в порядке практической стрельбы. Офицерский состав в огромном большинстве не имеет военного образования или имеет его в объеме синьцзянской военной школы. Другие части синьцзянской армии (киргизские, монгольские и др.) состоят из хорошей кавалерии и стрелков, имеют хороших лошадей, но ненадежны. Эти части в случае развертывания движения должны рассматриваться скорее как резерв повстанцев, чем как опора китайцев. ... При данном соотношении сил китайцы могут рассчитывать только на свои деморализованные войска, на белых и нашу помощь» [13, л. 3]. Прогнозируя ход событий в случае успеха восстания, разведуправление РККА указывало: «Дальнейшее развитие повстанческого движения может привести к уничтожению китайской власти в Синьцзяне и попыткам создания мусульманского государства. Необходимо иметь при этом в виду, что эти попытки неизбежно приведут к длительной национальной борьбе за автономии (казахские, монгольские, киргизские, дунганские, уйгурские), причем не исключена борьба за автономию и среди самих уйгур — между Хотаном и Кашгаром. Подобная обстановка будет широко использована англичанами для расширения их влияния в Кашгарии, ликвидации нашего преобладающего экономического влияния в Синьцзяне и создании угрозы нашим границам» [13, л. 9].

Следует также отметить, что события в Синьцзяне довольно скоро переросли рамки внутривосточных проблем провинции и стали реально влиять на ситуацию в приграничных районах советских среднеазиатских республик, где социально-политическое положение и так было весьма непростым. В этих районах все еще продолжалась, хотя и в меньшей степе-

ни, чем в 20-е гг., борьба с басмачеством. Часть банд басмачей, ушедшая от ударов Красной армии на китайскую территорию, влилась в ряды повстанцев Синьцзяна, сохраняя при этом тесную связь с родственниками на советской территории и склоняя их к эмиграции. Вместе с активной эмиграцией начался стремительный рост контрабанды, бандитизма, угона колхозного скота и т. д.

Летом 1931 г. правительство Синьцзяна обратилось к Советскому Союзу с просьбой о продаже оружия и прежде всего авиатехники. На заседании Политбюро от 5 августа 1931 г. было утверждено решение: «Принять предложение НКВД о продаже двух самолетов» Синьцзяну [14, л. 140]. Самолеты были вскоре отправлены с двумя летчиками и двумя бортмеханиками в Китай. В первой половине 1932 г. Советский Союз осуществил новую поставку крупной партии оружия синьцзянскому правительству. В то же время был окончательно снят вопрос о какой-либо помощи повстанцам. Руководителям повстанцев Низаметдину и Нуразбаеву, обратившимся в советское консульство в Кашгаре с просьбой о продаже оружия, в этой просьбе было категорически отказано [3, л. 60]. Вместе с тем, необходимо было детализировать общее положение, расставить акценты и приоритеты во взаимоотношениях с руководством Синьцзяна, которому предстояло оказывать помощь в борьбе с повстанцами. Разработать и внести соответствующие предложения было поручено НКВД СССР. На содержание соответствующих рекомендаций НКВД советскому правительству существенно повлияли события, происшедшие в Синьцзяне зимой и весной 1933 г. Они в значительной мере изменили расстановку сил в политическом спектре провинциального руководства.

Значительные успехи, которых добились в ходе сражений войска повстанцев, усилили недовольство гражданских и особенно военных представителей китайской администрации деятельностью губернатора Синьцзяна — Цзинь Шуженя. Долголетняя междоусобная борьба в китайском руководстве провинции завершилась, наконец, тем, что 12 апреля 1933 г. в результате военного переворота, который возглавил командующий группировкой войск, ведущей бои против повстанцев, генерал Шен Шицай, губернатор провинции Цзинь Шужень был отстранен от власти и вскоре покинул провинцию. После свержения Цзинь Шуженя председателем правительства Синьцзяна был назначен активный участник переворота, бывший начальник департамента просвещения — Лю Вэньлун. Вскоре Шен Шицай добился замены Лю Вэньлуна, и пост председателя правительства занял глубокий старик Ли Юнь, а затем этот пост без труда достался ему.

Человек, безусловно, способный и энергичный, Шен Шицай, однако, как и многие офицеры китайской армии того времени, не имел сколько-нибудь

твердых политических убеждений, хотя и утверждал позже, что уже в 20-х гг. «верил в марксизм» [15, с. 15]. Он был беспринципным и неразборчивым в выборе путей при достижении цели. Обретя высшую власть в Синьцзяне в очень сложный момент, Шен Шицай хорошо понимал, что добиться победы над повстанцами только с помощью оружия ему не удастся. Поэтому уже в первые дни своего правления он предпринял шаги, которые должны были хоть в какой-то мере сбить остроту противостояния между коренными народами Синьцзяна и колониальной китайской администрацией, между повстанцами и правительственными силами. Через несколько дней после вступления в должность Шен Шицай обнаружил так называемые шесть принципов политики своего правительства: 1) борьба с империализмом; 2) дружба с Советским Союзом; 3) расовое и национальное равенство; 4) борьба с произволом и взяточничеством; 5) борьба за мир и 6) строительство новой экономики Синьцзяна [15, с. 165]. Следом была опубликована программа правительства, построенная на основе этих принципов. Эти документы сопровождались многообещающими заявлениями, выдержанными в духе демократии и социального примирения, самого Шен Шицай и его соратников. Несомненно, что все шаги, предпринимаемые Шен Шицаем, были в определенной мере ориентированы и на СССР, потому что без этой помощи справиться с ситуацией генерал был не в состоянии.

После обнаружения приведенных документов Шен Шицай предпринял шаги по поиску примирения с повстанцами. Летом 1933 г. прошли переговоры с руководителем крупнейшей группировки повстанцев, состоявшей в основном из уйгуров, Ходжей Ниязом. Результатом переговоров стало достигнутое в июле 1933 г. соглашение о прекращении боевых действий этой группировки против правительственных сил. Раскол в лагере повстанцев и переход Ходжи Нияза в лагерь вчерашних противников зрел давно и был связан не только с активной примиренческой деятельностью правительства, но и с нежеланием Ма Чжунъина видеть в уйгурах равноправных партнеров как в текущей борьбе, так и в управлении будущим мусульманским государством. Соглашение предусматривало создание на юге провинции национальной автономии уйгур, привлечение в состав правительства людей различных национальностей, а также еще целый ряд уже декларированных Шен Шицаем демократических преобразований. В ответ Ходжа Нияз обязался сотрудничать с правительством Синьцзяна при установлении мира и порядка в провинции, что, естественно, подразумевало совместную борьбу против сил Ма Чжунъина и кульджинского генерала Чжан Пэйюаня. Эти лидеры теперь оставались главными противниками Урумчи, так как казахи Алтайского округа и карашарские монголы вско-

ре примкнули к соглашению уйгурской группировки с правительством.

Изменения, произошедшие во внутривластной жизни Синьцзяна после прихода к власти Шен Шицай, ускорили работу над определением общих принципов политики СССР в отношении Синьцзяна, которые было поручено подготовить НКВД. В июле 1933 г. для выработки этих принципов и соответствующих рекомендаций правительству СССР было проведено совещание представителей всех заинтересованных ведомств под председательством заместителя комиссара по иностранным делам Г. Я. Сокольникова. Совещание приняло следующие рекомендации: «1. Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая. 2. Считать необходимым оказать поддержку урумчинскому правительству, пытающемуся улучшить методы китайской администрации в Синьцзяне, в частности, в деле сохранения широкой провинциальной автономии, которой пользовался Синьцзян, и в проведении той программы реформ, направленных к административной децентрализации и районной автономии населяющих Синьцзян национальностей, которые декларировались урумчинским правительством в целях достижения соглашения с руководством повстанческого движения (автономия, равенство национальностей, свободы слова, печати, союзов, выборность и т. д.). 3. В первую очередь считать необходимым оказать урумчинскому правительству активную поддержку для разгрома Ма Чжуньина и др. дунганских отрядов, представляющих собой реальный базис для планов превращения Синьцзяна в плацдарм антисоветской деятельности» [13, л. 21–23]. Рекомендации, подготовленные НКВД, были затем переданы специальной комиссией, созданной Политбюро 27 июня 1933 г. «для рассмотрения вопросов советской политики в Синьцзяне и обсуждения предложений, внесенных НКВД по Синьцзяну...». Председателем комиссии являлся К. Е. Ворошилов, членами — Г. Я. Сокольников и Ш. З. Элиава [16]. 3 августа 1933 г. по представлению этой комиссии политбюро ЦК ВКП (б) утвердило директивы по работе с Синьцзяном, которые почти целиком повторяли предложения, внесенные НКВД. Собственно к моменту формального утверждения главного положения директив — поддержки провинциального правительства — эта поддержка уже активно осуществлялась, причем не только поставками оружия и различных материалов. Зимой 1932–1933 гг., когда войска Ма Чжуньина и уйгурские повстанцы осадили столицу Синьцзяна Урумчи (Дихуа), Советский Союз предпринял акт, который в буквальном смысле спас китайские власти в Синьцзяне.

Соглашение о сотрудничестве правительства Синьцзяна с Ходжей Ниязом и стоявшими за ним уйгурами хотя и облегчило положение провинциальных властей, но не остановило войну. Более того, со-

бытия, развернувшиеся в провинции во второй половине 1933 — начале 1934 г., ознаменовали собой наивысшую точку в борьбе сторон.

Параллельно с переговорами, которые велись с Ходжей Ниязом, Шен Шицай с подачи гоминьдановского руководства пытался договориться и с Ма Чжуньинем. Для того, чтобы примирить последнего с руководством провинции, в Синьцзян даже приезжал «...специально посланный председателем исполнительного юаня Ван Цзиньвэем министр иностранных дел и министр юстиции Лю Ваньган» [4, с. 32]. Однако его миссия не привела к положительному результату. Примирить противников не удалось, и войска Ма Чжуньина продолжали боевые действия против правительственных подразделений. С другой стороны, еще 20 февраля 1933 г. «Уйгурский комитет за национальную революцию» образовал в Хотане так называемое временное правительство. Возглавил это правительство Сабит Домулла — человек, связи которого с англичанами были общеизвестны. Командующим вооруженными силами нового правительства стал Мухамметдин Бугра, который взял себе титул «эмир аль-Ислами», а его братья величали себя «эмир Абдулла-хан» и «эмир Нурахмед-джан». «Из-за этого Хотанское исламское правительство называлось «правительством хотанских эмиров»» [4, с. 21]. А 12 ноября 1933 г. в Кашгаре премьер-министр «правительства хотанских эмиров» Сабит Домулла официально провозгласил о создании независимой Тюрко-Исламской республики Восточного Туркестана (ТИРВТ). При этом президентом вновь созданной республики был заочно избран Ходжа Нияз. Была создана и обнародована конституция, которая строилась целиком на законах шариата. Руководители ТИРВТ сразу же начали активную работу по организации дипломатического признания своей республики со стороны ближайших мусульманских государств и Англии. Были установлены контакты с Турцией, Афганистаном, мусульманами Индии. При этом большинство исследователей отмечают, что «...доминирующим влиянием в политических и военных делах ТИРВТ» пользовалась Турция [4, с. 26]. Руководители же Восточного Туркестана пользовались всяким случаем, чтобы высказать «...свое почтение родине панисламизма» [17, с. 131]. Однако лидерам новоявленного государства было достаточно ясно, что реальную помощь и поддержку им может оказать не Турция, с которой их сближало единование, а Англия, кровно заинтересованная в создании своеобразного санитарного кордона между Индией и Советским Союзом, с одной стороны, и укреплении своих экономических позиций в этом богатейшем районе — с другой. Поэтому Сабит Домулла и его соратники еще до образования ТИРВТ отправили британскому консулу в Кашгаре Томсон-Гловеру письмо, в котором просили принять «Хотанский эми-

рат» под протекторат Англии. Вполне естественно, что подобные шаги лидеров повстанческого движения не могли не вызвать ответной реакции со стороны советского руководства, которое склонялось к более действенным формам помощи правительству провинции.

Осенью 1933 г., после очередной неудачной попытки заключить перемирие с Ма Чжуньном, Военный совет провинции принял решение начать активные боевые действия против армии дунган. В условиях, когда повстанцами южного Синьцзяна было объявлено о создании ТИРТВ, Шен Шицай счел возможным обратиться к правительству СССР с просьбой оказать помощь в проведении боевых операций против повстанцев. Советская сторона ответила на эту просьбу согласием.

В ноябре 1933 г. в Синьцзян была перебросена так называемая Алтайская добровольческая армия [18, с. 79], сформированная из частей различных родов войск Красной армии. В оперативном подчинении командования этой группировки находились также подразделения, сформированные из бывших белогвардейцев — «натурализовавшихся русских», которым была обещана амнистия и советское гражданство в случае удачного завершения операции. В нашем распоряжении нет документов, свидетельствующих о конкретном согласовании между правительствами СССР и Китайской Республики вопроса ввода подразделений Красной армии на территорию Синьцзяна. Однако визиты всех высокопоставленных лиц из руководства Китая, предпринимаемые в Синьцзян после восстановления 12 декабря 1932 г. советско-китайских отношений, совершались через территорию СССР. В ходе этих поездок контакты китайских и советских деятелей стали постоянными. Не является секретом и то, что переброска интернированных частей Сун Бинвэя в Синьцзян была предпринята по согласию с китайской стороной. Поэтому можно с большой долей уверенности сказать, что и ввод Алтайской добровольческой армии был согласован с правительством Китая.

Участники рассматриваемых событий в своих воспоминаниях указывают, что переброска советского контингента на территорию Синьцзяна началась в ноябре 1933 г., а прибывавшие в провинцию войска сразу же включались в боевые действия [18, с. 79]. Это в целом согласуется с ходом событий. По крайней мере, военный совет провинции, как уже отмечалось, принял решение о начале операций против Ма Чжуньина именно в ноябре. Но сама операция по разгрому повстанцев проводилась поэтапно до апреля 1934 г., поэтому советское руководство постоянно рассматривало вопросы, связанные с ходом боевых действий в Синьцзяне, а также проблемы обеспечения всем необходимым находящихся там войск. Советские подразделения активно использовали авиационную технику, были лучше вооружены и подготовлены, поэтому Ма Чжуньин практически не имел надежды

на победу. Отступая на юг Синьцзяна, он еще в начале 1934 г. занял Кашгар — столицу ТИРТВ, после чего республика практически прекратила свое существование. Ее руководство «было окончательно разогнано или арестовано уйгурской мусульманской армией Ходжа-Нияза, которые, преследуя Ма Чжуньина, вслед за ним заняли Кашгар» [4, с. 38]. Уже в апреле 1934 г. правительство СССР начало вывод частей Алтайской добровольческой армии с территории провинции к местам постоянной дислокации. 15 апреля 1934 г. Политбюро принимает решение, в котором говорится, что пребывание советских войск в Синьцзяне более нецелесообразно. Вместе с тем Политбюро решает «... настойчивую просьбу дубаня и его желание в кратчайший срок закрепить результаты победы, лишив Ма Чжуньина возможности обосноваться в районе Аксу-Уч-Турфан, мы согласны оставить в Синьцзяне на срок 3–4 месяца конную группу алтайцев (Алтайской добровольческой армии. — В. Б.) с батареей, общей численностью в 350 человек, с целью прочного закрепления за провинциальным правительством районов Аксу-Уч-Турфан...» [19, л. 32].

10 июля 1934 г. Ма Чжуньин с небольшой группой соратников перешел в районе караула Иркештам на советскую территорию и был интернирован. С его отходом от активной борьбы завершились боевые действия на территории Синьцзяна. Заключительным аккордом синьцзянских событий 1931–1934 гг. явилось требование генерала Шен Шицай к советскому правительству выдать синьцзянским властям Ма Чжуньина. Однако Шен Шицай получил отказ. Ему было заявлено, что на основании советской конституции интернированные лица без их согласия не могут быть выданы государству, которое они покинули. Причем сообщение об отказе выдать Ма Чжуньина китайским властям было опубликовано в советской печати [20, л. 113]. Этим шагом руководство Советского Союза подчёркивало свою лояльность к потерпевшим поражение повстанцам в глазах общественности. К началу 1935 г. из Синьцзяна были также выведены последние части Красной армии, что знаменовало собой полное прекращение советского военного присутствия на территории провинции.

После интернирования Ма Чжуньина вся информация о его дальнейшей судьбе в Советском Союзе была закрыта, а в дальнейшем связанные с этим архивные материалы строго засекречены. Все это породило не только среди участников повстанческого движения и их потомков, но и исследователей, самые разные версии. Высказывались мнения и даже находились очевидцы того, что сразу после пересечения границы СССР Ма Чжуньин был арестован и после допросов и пыток на Лубянке расстрелян. Были «свидетели», которые рассказывали, что видели Ма Чжуньина в конце 30-х гг. в форме советского летчика. Однако все эти сведения и свидетельства были бездо-

казательны и не подтверждены сколько-нибудь серьезными фактами и документами. К реальным событиям, связанным с судьбой дунганского «Бонапарта», появилась возможность вернуться только в последнее время, когда были открыты архивные источники, связанные с этими событиями.

Оказалось, что после интернирования Ма Чжуньин и небольшая группа лиц из его окружения были доставлены в Москву и поселены на одной из подмосковных дач. О дальнейшей судьбе генерала интересную информацию дает письмо заместителя наркома по иностранным делам Б. Стомонякова к наркому обороны К. Е. Ворошилову. Б. Стомоняков, в частности, пишет: «Как вам известно, вопрос о группе Ма Чжу Ина разрешился вполне благополучно. 3 человека из состава группы выехали в Хотан с поручением Ма Чжу Ина добиться полного умиротворения на юге Синьцзяна и подчинить дивизию УрПРА (Урумчинскому правительству. — В. Б.). Сам же Ма Чжу Ин решил остаться у нас для пополнения своего образования в особенности для военной учебы. Теперь необходимо решить вопрос об организации подготовки Ма Чжу Ина» [21, л. 1]. Далее замнаркома рассматривает варианты организации образовательного процесса генерала. В качестве первого варианта он предлагает «прикомандировать (Ма Чжуньина. — В. Б.) к одному из высших военно-учебных заведений и содержать его на общем с другими командирами положении». Однако, учитывая необходимость сохранения секретности пребывания Ма Чжуньина в СССР, Б. Стомоняков считает более предпочтительным вариант индивидуального обучения генерала. В этой связи он просит Ворошилова «прикрепить к Ма Чжу Ину по специальному отбору преподавателей высших военно-учебных заведений, которые и будут вести с ним занятия». Замнаркома подчеркивает, что «в целях избежания огласки последний вариант является более приемлемым. Синьцзянская комиссия считает, что ма Чжу Ина надо по-прежнему оставить на даче под Москвой и без выезда в Москву организовать его обучение. Ма Чжу Ину имеется в виду преподавать необходимую сумму знаний по вопросам социально-экономическим, истории военного искусства, строительства вооруженных сил, тактике, топографии и общеобразовательным предметам» [21, л. 1].

Однако забота об образовании бывшего лидера повстанцев носила, как показывают документы, далеко не бескорыстный характер. Ситуация в Синьцзяне после завершения активной фазы восстания оставалась крайне напряженной. Среди прочего это было связано с тем, что по условиям мирного соглашения дунганские части, принимавшие участие в восстании, не были расформированы и, сохраняя весьма высокий боевой потенциал, подчинялись правительству весьма относительно. Особенную опасность представляла наиболее боеспособная 36-я дивизия, которую в свое время привел из Ганьсу Ма Чжуньин. В Советском Союзе небезосновательно считали, что справиться с нарастающим напряжением в этой дивизии может только сам генерал. Об этом свидетельствует письмо замнаркома НКВД Стомонякова к генеральному консулу СССР в Синьцзяне Апресову. Замнаркома, в частности, писал: «...было решено, при содействии Ма Джун-Ина, добиваться отъезда в СССР наиболее враждебных УРпра (урумчинскому правительству. — В. Б.) командиров дивизии, в т. ч. ма Ху-шаня, бай Цзи Ли и других. Одновременно, с целью разложения дивизии, был разрешен проезд сюда группы Ма Ши-гуя и её обратное возвращение в Хотан. С этой целью был разрешен также выезд из СССР в Хотан других дунганских командиров из окружения Ма Джун-ина... Переговоры УРпра с 36 дивизией, к сожалению, протекают невероятно медленно. Дубань (губернатор. — В. Б.) в этом виновен, пожалуй, не меньше 36 дивизии... Ма Джун-Ин послал в Хотан и Кашгар запросы о причине медленного развития переговоров и указание о необходимости их скорее привести к благополучному окончанию» [21, л. 8–9]. Таким образом, судя по переписке советских руководителей, осенью 1935 — весной 1936 г. дунганский «Бонапарт» был не только жив и вполне благополучен, но и активно участвовал в решении долголетнего внутривосточного конфликта в Синьцзяне, в котором он играл столь значительную роль. К сожалению, до настоящего момента остается закрытой информация о дальнейшем пребывании в СССР этой столь незаурядной личности. Однако есть все основания считать, что скоро историки и исследователи смогут снять последние завесы с этих интереснейших событий и судеб людей, в них участвовавших.

Библиографический список

1. Хакимбаев А. А. Восстание в Хами — начальный этап освободительной борьбы некитайских народов Синьцзяна в 1931–1935 гг. (по уйгурским источникам) // Общество и государство в Китае: тез. и доклады научной конференции. — М., 1989. — Ч. III.

2. Фесенко Б. И. Классовое расслоение и обнищание дехканства в синьцзянском кишлаке // Революционный Восток. — 1932. — № 3–4.

3. Российский центр хранения и изучения документов новейшего времени (РЦХИДНИ). — Ф. 62. — Оп. 2. — Д. 3037.

4. Кузнецов В. С. Ислам в политической истории Китая: в 3 ч. Ч. 3: 30-е годы XX в. — 1949 г./ Ин-т Дальнего Востока (ИДВ) РАН // Информационный бюллетень №9. — М., 1996.
5. Кузнецов В. С. Ислам в политической истории Китая: в 3 ч. Ч. 2: 60-е годы XX в. — 30-е гг. XX в./Ин-т Дальнего Востока (ИДВ) РАН // Информационный бюллетень №8. — М., 1996.
6. Хакимбаев А. А. К оценке деятельности Ма Чжуни-на (Из истории национально-освободительной борьбы народов Синьцзяна в 1931–1934 гг.) // Общество и государство в Китае : тез. и докл. 14-й науч. конф. Ч. 3. / Ин-т востоковедения АН СССР. — М., 1983.
7. Хакимбаев А. А. Национально-освободительное движение коренного населения Синьцзяна в 30-х — 40-х годах XX века / Ин-т востоковедения АН СССР // Спец-бюллетень №4 (120). — М., 1971.
8. Пунцаг Э. К вопросу об оценке восстания 30-х годов в Синьцзяне // Проблемы Китая: материалы международной конф. по новейшей истории Китая. Апрель 1977 г. — М., 1978. — Ч. 1.
9. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. 2. — Оп. 18. — П. 40. — Д. 32.
10. РЦХИДНИ. — Ф. 495. — Оп. 154. — Д. 457.
11. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. 2. — Оп. 18. — П. 40. — Д. 32.
12. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part II. From the First to the Second World War. Series E. Asia, 1914–1939. Vol. 20. China, 1927–1931. University Publications of America. 1994.
13. АВП РФ. — Ф. 8/08. — Оп. 162. — Д. 117.
14. РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 10.
15. Whiting A. and General Sheng Shih-ts'ai. Pawn or Pivot? Michigan State University Press.
16. РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 925. — №69/48.
17. Кузнецов В. С. Панисламизм в Китае // Общество и государство в Китае: 24-я науч. конф.: тез. докл. Ч. 1 / Ин-т Дальнего Востока РАН. — М., 1993.
18. Гриценко Я. Что это было? (К событиям в Синьцзяне в 1933–1934 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — №5.
19. РЦХИДНИ. — Ф. 62. — Оп. 2. — Д. 16.
20. РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 16.
21. АВП РФ. — Ф. Секретариат Литвинова. — Оп. 15. — П. 108. — Д. 55.